

**КАТОРГА
И
ССЫЛКА**

**ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ
ВЕСТНИК**

№ 7

МОСКВА

1923

9(47):05
(05) 95. 1923. 57.

ОБЩЕСТВО БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА И ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Вл. Виленского (Сибирякова)

ПЕТРОГРАД
1923

Дом Плеханова
№ 307

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдел I. Из истории революционного движения.

- Л. Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народолюбцам.
Л. Федорченко (Н. Чаров). Г. В. Плеханов. (Из воспоминаний.)
Н. А. Семашко. О детских годах Г. В. Плеханова.
Г. В. Плеханов. Конспект.
Б. Козьмин. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.
М. Ю. Ашенбреннер. Военно-революционная организация партии Народной Воли.
И. Минаев. Автобиография рабочего-революционера.
М. Русов. «Святая святых» царской охраны.
А. Д. Михайлов. К портрету С. Н. Богомолец.

Отдел II. Каторга, ссылка и тюрьма.

- В. Л. Виленский (Сибиряков). Последнее поколение Якутской ссылки.
А. Измайлович. Из прошлого.
А. Биденко. В Мальцевской женской каторжной тюрьме.
Ядов. Бутырки.
Львов-Марсианнн. Паразит.
«Трудовая группа». Из архива В. Н. Фигнер.
Д. Старков. В Преображенку.

Отдел III. Лица отошедших.

- Я. Тов. Золотарев. Памяти тов. Фельдмана.
И. Жуковский-Жук. Памяти Н. Ф. Степанова.
Гилл. В. Д. Медем.
М. Галкин. Памяти тов. Васильева.

Отдел IV. Библиография.

- С. Пионтковский. По журналам. (Обзор исторических журналов за первую четверть 1923 года.)
По книгам: Проф. В. Н. Сторожев. Н. Бабахан. Советы 1905 года.
И. Бороздин. В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский 1828—1889 г. С. Пионтковский. Революция в Крыму. Я. Д. Б-м, Н. А. Бухбиддер. Материалы по истории еврейского рабочего движения в России. В. Н. Сторожев. Декабрист. М. С. Лунии.— Проф. В. Бочкарев. Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле. В. Н. Сторожев. А. А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. Б. Горев. Материалы для биографического словаря соц.-дем. В. Алексеев. В. А. Поссе. Воспоминания. Н. Головина. Станислав Бржозовский. Зарево. Б. Козьмин. Библиография периодики.
Хроника общества б. политкаторжан.

Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.

Когда в 1905 году Г. В. Плеханов издавал за границей первый том своих «Сочинений», охватывавший период с 1878 по 1884 г., он отнюдь не имел в виду перепечатать все свои статьи, написанные в течение этого периода. Другими словами, собрание его сочинений не претендовало быть полным. По различным причинам Плеханов не включил в него не только ряд своих мелких заметок из «Черного Передела», но и большие статьи, представлявшие не малый теоретический интерес: «Поземельная община и ее вероятное будущее», «Новое направление в области политической экономии», «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцеова». Не был полным и первый том «Сочинений» Г. В. Плеханова, выпущенный в 1920 г. петроградским отделением Государственного Издательства и являвшийся точным воспроизведением женевского издания 1905 года. Однако, в издании полного собрания сочинений основоположника русского марксизма чувствовалась несомненная потребность. Удовлетворить этой потребности должно новое издание сочинений Плеханова, предпринятое Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса под редакцией Д. Б. Рязанова. Первый том этого собрания, за которым последовали и другие, вышел в текущем году. Редактор в своем предисловии к этому тому говорит, что новое издание сочинений Плеханова «ставит себе целью стать полным» и что в состав первого тома вошло все написанное Плехановым за 1878 — 1883 г.г., кроме тех прокламаций, которых редакции не удалось достать, и помещенных Плехановым в легальной газете «Новости» репортерских заметок о волнениях на фабрике Торнтон, которые в настоящее время напечатаны в третьем томе «Сочинений», как приложение к статье Плеханова «Русский рабочий в революционном движении». Однако, при ознакомлении с новым изданием «Сочинений» Плеханова оказывается, что и оно не является вполне полным. В этом нет ничего удивительного. Печальное состояние русской библиографии создает исключительно неблагоприятные условия для работы по составлению «полного»

собрания сочинений какого-либо автора. Вряд ли есть хоть один русский писатель, который был бы представлен в нашей литературе действительно полным собранием сочинений¹⁾.

В настоящее время мы хотим обратить внимание на одну статью Г. В. Плеханова, упоминания о которой мы не найдем ни в одном библиографическом указании и которая не вошла в новое собрание его сочинений. Мы имеем в виду статью «Об чем спор», напечатанную Плехановым в № 52 газеты «Неделя» за 1878 г.²⁾. Принадлежность этой статьи перу Г. В. Валентинов. Известно, что таков был первый псевдоним Плеханова в русской легальной печати. Под этим псевдонимом им были напечатаны в 1881—1883 г.г. в «Отечественных Записках» статьи «Новое направление в области политической экономии» и «Экономическая теория Карла Родбертуса-Ягцова». Но не один только псевдоним убеждает нас в принадлежности названной статьи перу Плеханова. За авторство его говорит и содержание статьи. Особенно показательно в этом отношении то место статьи, где автор говорит о различии между фабричными и заводскими рабочими. Известно, что более подробно это различие Плеханов обрисовал в одной из позднейших своих работ: мы имеем в виду его статьи «Русский рабочий в революционном движении»³⁾.

Тот номер «Недели», в котором была напечатана статья «Об чем спор», вышел 24 декабря 1878 года. Таким образом, эта статья является одним из первых известных нам произведений Плеханова. Раньше нее им были написаны лишь упоминавшиеся выше хроникерские заметки в газете «Новости», статья о стачке рабочих на Новой бумагопрядильне в № 1 нелегального журнала «Начало» (см. т. III собрания соч. Плеханова) и корреспонденции из Каменской станицы и с Новой бумагопрядильни, напечатанные в вышедшем

¹⁾ На эту статью Плеханова впервые было указано пишущим эти строки в рецензии на I т. собрания сочинений Плеханова, помещенной в № 3 «Вестник Труда» за 1923 г. Позднее В. Ваганян использовал эту статью в своей работе «Г. В. Плеханов. От народничества к марксизму», помещенной в № 2—3 «Под знаменем марксизма» (вышел в мае 1923 г.), и включил указание на нее в составленный им «Опыт библиографии Г. В. Плеханова» (Госизд. 1923 г., стр. 9).

²⁾ Считаю не лишним указать также и на то, что в т. I нового собрания сочинений не вошло помещенное в № I «Народной Воли» объявление об издании газеты «Черный Передел». По свидетельству В. О. Аптекмана это объявление было написано Плехановым. См. его статью о «Черном Переделе» в издании «Памятника агитационной литературы», т. I «Черный Передел». Орган социалистов-федералистов 1880—1881 г., стр. 12.

³⁾ Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». Изд. «Пролетариат», стр. 13—16.

15 декабря 1878 г. № 2 «Земля и Воля»¹⁾. Если принять во внимание чисто информационный характер всех этих произведений, то окажется, что статья «Об чем спор» является первым по времени теоретическим произведением Плеханова, первой его работой, по которой мы можем познакомиться с общественно-политическими взглядами Плеханова в землевольческий период его жизни.

В этот период Плеханов являлся типичным и последовательным народником. Зимой 1875 — 1876 г.г. он сблизился с революционными кругами Петербурга и вскоре, в силу своей исключительной для революционеров того времени теоретической подготовки, стал играть в них видную роль. Его кратковременная поездка за границу не повлекла за собой изменения его теоретических взглядов. По свидетельству А. Г. Дейча, он вернулся на родину еще более ярким народником, чем был до этой поездки²⁾. Примкнув к «Земле и Воле», он целиком воспринял ее программу и дал ей теоретическое обоснование в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», напечатанной в №№ 3 и 4 «Земли и Воли». В этой статье он доказывал, что Россия может перейти к социалистическому строю, минуя стадию «капиталистической продукции». Общинный строй крестьянского землевладения облегчит этот переход. Плеханов не соглашался с теми, кто считал русскую общину обреченной на гибель, и высказывал уверенность, что «пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество вступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса».

Однако, к тому времени, когда писались эти строки, в жизни русской крестьянской общины обнаружился ряд явлений, свидетельствующих о том, что эта община начинает переживать глубокий кризис. Эти явления не могли остаться незамеченными внимательными наблюдателями деревенских порядков. Одним из первых обратил на них внимание Гл. Ив. Успенский. В январской книжке «Отечественных Записок» за 1878 г. он, под псевдонимом Г. Иванова, поместил очерк «Люди и нравы. Из деревенского дневника». Успенский указывал на рост и распространение в деревне кулачества. Он обращал внимание на развивающееся в крестьянской среде «стремление к кушу» и «поклонение пачке денег, без разбора средств, которыми достается она». Крестьяне, по его словам, предпочитают видеть в этой пачке наивернейшее средство улучшения

¹⁾ Кроме того, по словам Ю. Арзаева, Плехановым весной 1878 г. была написана программа землевольческой партии. См. биографический очерк Плеханова, написанный Арзаевым, при т. I сборника статей и речей Плеханова «Год на родине», стр. XX.

²⁾ Л. Г. Дейч. «Г. В. Плеханов. Материалы для биографии». Вып. I. «От народничества к марксизму». Москва, 1922 г. стр. 35.

своей участи. Если многие из них до сих пор не проявляют еще стремления к наживе, то лишь потому, что они не могут «по неразвитости своей обобщить и привести в систему осаждающие их явления жизни».

Очерк Успенского вызвал в свое время много споров. Правверные народники возмущались им, обвиняя автора в клевете на русского мужика. В кружковых дебатах и в печати они нападали на него. В статье «Либерал о сером мужике», помещенной в № 9 народнической газеты «Неделя», анонимный автор обвинял Успенского в том, что он игнорирует массу фактов, доказывающих «нравственное превосходство» мужика над интеллигенцией.

Успенский не нашел возможным пройти молча мимо этих нападок. В ноябрьской книжке «Отечественных Записок» он резко обрушился на своих оппонентов, обвиняя их в «каком-то слащавом, чтобы не сказать слюнявом, отношении к народу» и высмеивая созданную ими теорию, «доказывающую, что все спасение общества лежит в глубине «непосредственного чувства», насквозь проникающего душу и тело простого человека». Источник этой теории он видел в стремлении «остановить маховое колесо европейских порядков, увлекшее нас на ненавистный путь всяческой неправды, — нас, которые не хотят ее, которые хотят по чести, по совести, и все такое. . .» Успенский обращал внимание на то, что условия, в которых проходит жизнь крестьянства, значительно изменили порядки, существовавшие ранее в деревне. Нельзя игнорировать изменений, происшедших в общинных порядках. «На справедливости, обнаруживаемой деревней в распределении общественного имущества, нельзя уже строить особенно пленительных фантазий насчет справедливости деревни вообще к человеку, нельзя уже уверять себя, что у нас «всякий» равен «всякому», так как слово душа, фигурирующая в общинных дележах, имеет уже особенный. . . смысл и вовсе не означает души человека, обладающего ею вообще». В деревне развивается кулачество, на этой почве зарождается своеобразная «деревенская аристократия», делающая положение мужика еще более тяжелым и заставляющая его работать на себя. «Благодаря этой аристократии несовершенные формы современного общинного землевладения изменяются еще более. Значительное большинство крестьянского населения все более и более теряет между собою свою мирскую связь, так как все более и более чувствует трудность своего личного положения». Таким образом, наблюдения Успенского за жизнью деревни обнаруживали начавшееся и развивавшееся разложение крестьянской общины.

Ответ Успенского вызвал новый взрыв возмущения в рядах народников. Им было тяжело признать действительность подмеченных Успенским явлений. Вся их уверенность в близости социальной революции, все их расчеты на возможность для России миновать

стадию развития капитализма основывались на существовании и процветании крестьянской общины. Разложение этой общины было тяжелым моральным ударом для тех, кто в ее существовании находил теоретическое обоснование всей революционной борьбы. При таких условиях полемика, вызванная очерками Успенского, разгорелась с новой силой. Против Успенского выступил тогдашний вождь и теоретик ортодоксального народничества Каблиц (Юзов)¹⁾. Против него направил свои удары и бывший в то время очень близким с Каблицем Плеханов. Статья последнего «Об чем спор» является ответом на разъяснения, данные Успенским в ноябрьской книжке «Отечественных Записок».

Точка зрения Плеханова, поскольку она вырисовывается из этой статьи, ясна и определена. Он непоколебим в своей вере в «устой» русской жизни и без дальних разговоров отрицает явления и факты, противоречащие этой вере. Не надо забывать, что статья написана очень юным человеком: Плеханову в то время едва исполнилось 22 года. Вполне понятно, что на позиции полного отрицания нежелательных явлений такой ум, как ум Плеханова, не мог оставаться в течение продолжительного времени. Факты, указанные Успенским, были весьма показательными, и скоро для Плеханова стало ясным, что отрицать их значило не считаться с очевидностью. И вот мы видим, что уже в 1879 году Плеханов начинает высказываться осторожнее. В упомянутой выше статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» он считает нужным оговориться, что, если даже русская община разложится и на ее месте возникнет участковое землевладение, то это еще не будет означать, что Россия окончательно вступила на путь развития капитализма и что социальная революция в ней сделалась невозможной ранее того времени, когда капитализм естественным путем будет изжит. Дело в том, что «коренного изменения народного характера нельзя ожидать тотчас же за падением общины». «А покуда настроение народных масс останется таким же, как теперь, — утешал своих читателей Плеханов, — наша программа не нуждается в изменении»²⁾.

Еще более осторожно высказался Плеханов в 1880 году, когда в №№ 1 и 2 «Русского Богатства» он поместил статью «Поземельная община и ее вероятное будущее». Полемизируя с М. М. Ковалевским, он доказывает, что разрушение общины (речь шла не специально о русской общине, а об общине вообще. Б. К.) нельзя считать неизбежным историческим явлением: при известной комбинации отрицательных влияний это разрушение действительно неиз-

¹⁾ См. его статью — «Полемизирующий беллетрист» в № 49 «Недели» за 1878 г.

²⁾ Сочинения, т. I изд. 1923 г. стр. 66 — 67.

бежно, но из этого еще не следует, что невозможна другая комбинация условий, при которых община, напротив, стала бы расти и развиваться. Переходя к вопросу о русской общине, Плеханов признает, что в ней заметны «признаки искажения ее коренного принципа и даже — таких случаев, к счастью, еще не много — полного ее разрушения». Однако, он не теряет надежды, что при благоприятном стечении обстоятельств русская поземельная община может иметь прочное будущее. «Там, где она представляет еще господствующую форму землевладения, — пишет Плеханов, — сознательно-положительное отношение к ней крестьянской массы и интеллигенции страны может в значительной степени нейтрализовать действие враждебных ей влияний, если не останется, разумеется, платоническим. И мы считаем позволительным предположить, что в таком случае община может продержаться до того времени, когда явится необходимость и возможность интенсивной культуры земли, а значит и употребления таких орудий и способов труда, которые потребуют общинной эксплуатации общинного поля». Другими словами, перед поземельной общиной вообще и русской в частности стоит альтернатива: и ли своевременный переход к общинной эксплуатации полей, и ли разрушение в борьбе с нарождающимся капитализмом. По какому из этих путей пойдет развитие русской общины, что ее ожидает: переход ли в более высокую форму социальных отношений или гибель, — это «в значительной степени зависит от правильности понимания нашей интеллигенцией экономических задач родной страны»¹⁾.

Так постепенно взгляды Плеханова приближались к тем, против которых он полемизировал в статье «Об чем спор».

Б. Козьмин.

¹⁾ Сочинения, т. I изд. 1923 г., стр. 103 — 107.

Об чем спор.

Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свињи ходят по-земли —
Не видят неба век!....

Некрасов.

В золотой век нашей журналистики каждый из лучших тогдашних журналистов держался одного, строго - продуманного и строго-определенного направления. Сотрудники не противоречили друг другу, разноголосицы и диссонансов не было слышно. Это означало, что по всем затрагиваемым вопросам редакции имели определенные взгляды, с точки зрения которых и рассматривали представляемые им статьи. Теперь этой определенности во взглядах редакций как будто не видно, по крайней мере такое впечатление производят те кошачьи концерты, которыми стали угощать своих читателей «Слово» и «Отечественные Записки». Так, например, в июльской и августовской книжках «Слова» помещались статьи о «староверии». Автор этих статей держится, очевидно, того взгляда, что характер русского народа и в истории и в современной действительности представляет особенности, не встречаемые в истории и в современном быте народов западно-европейских. Верен или нет этот взгляд, о том речь впереди; теперь мы заметим только, что, помещая названную статью, редакция тем самым заявляла свою солидарность с ними (sic!), и помещать статью г. Кулишера, представляющую если не прямое, то во всяком случае косвенное возражение автору «староверия» (тем более, что г. Кулишер величает «круглыми невеждами» всех, признающих особенности русского народного характера), — допустить такую разноголосицу сотрудников мог только редактор, который с своей стороны «свободен» от всяких мнений по спорному вопросу.

Если, отчаявшись найти что-либо цельное в толстых книжках «Слова», читатель возьмется за «Отечественные Записки», он придет в еще большее удивление. На страницах этого журнала помещались правдивые очерки г. Златовратского. Их было много; но

читатель не забыл, вероятно, лучших из них: «Крестьяне-присяжные», «Устой» и, наконец, помещенный в ноябрьской книжке рассказ «Деревенский Авраам». Все эти очерки убеждали читателя в том же, в чем убеждали его и научные исследования г.г. К-на, Соколовского, Ефименко, покойного Щапова и отчасти г. Кавелина, т.-е. что русский народ все привык делать «скопом», что артельный, общинный дух, несмотря на многовековую борьбу с совершенно противоположными принципами, все еще насквозь пронизывает русского мужика; что «мир всякого жалеет», как говорили г-ну Трирогову крестьяне в Саратовской губернии; что особенности экономического строя, выразившиеся в существовании земельной общины и промышленных артелей, обуславливают собою и особенности юридических понятий нашего крестьянина (по словам г-жи Ефименко, трудовое начало служит основой обычного деревенского права). Эта привычка к «скопу», к артели, выразившаяся в пословице «на миру и смерть красна», «мир — велик человек» и т. д., — создает тот довольно высокий уровень альтруистических чувств, который заставляет крестьянина гуманно относиться к преступлениям, — там, где борьба с преступником не обостряется до того, что становится вопросом жизни и смерти. На обыкновенном — сознаемся, несколько туманном — языке, это называется большею чуткостью непосредственного чувства в крестьянине.

Над этим-то непосредственным чувством, будто бы, «скольким и неуловимым, как налим», глумится г. Иванов в своем «объяснении недосказанного». Ну, разве мы не правы, называя разногласицу сотрудников «Слова» и «Отечественных Записок» кошачьим концертом? Здесь воочию совершается то, на чем мы, еще детьми, привыкли смеяться в баснях дедушки Крылова: «Рак пятится назад, а щука тянет в воду».

Если бы из всего этого следовало только то, что взгляды на вопросы г.г. редакторов упомянутых журналов «скользки и неуловимы, как налим», хотя бы и не так соблазнительны, как «налимья уха» (будем уж говорить образным языком г. Иванова), то мы не стали бы долго останавливать внимание читателей на этом факте, как ни многозначителен он в истории «бедной русской мысли». Но все указанные противоречия затрагивают тот «проклятый вопрос», который не дает спать многим людям интеллигенции: этот «проклятый вопрос» выражается в двух не менее «проклятых» словах — что делать? Во времена блаженной памяти спора о крепостном праве эти слова означали следующее: 1) освободить ли народ немедленно и 2) если освободить, то не пропьет ли освобожденный мужик с радости и самого себя и свою вновь испеченную, но давножданную свободу; а если да, если пропьет, то не лучше ли прежде освобождения заняться его просвещением.

Как известно, мнения разделились. Одни говорили — «прежде просветить, и потом уже освободить», а другие возражали, что просвещение закованного в крепостные цепи мужика — занятие столь же производительное, как и толчение воды в ступе.

И вот мужика освободили, не давши ему отвечатъ даже крошек, падавших со стола европейского просвещения (кормление мужика крошками просвещения предполагалось в будущем). Увидя, что освобожденный — раньше принятия предохранительных капель просвещения — мужик не только не опивается, но и закабальет себя только в крайней нужде, пессимисты были вне себя от удивления; раздались зловещие предсказания относительно будущего, но и они, как читатель знает, не оправдались. Таким образом, мнение, что просвещать мужика можно только после его освобождения, восторжествовало. Но, уничтоживши крепостное право, можно ли сдать этот спор в архив истории нашей мысли, или он и теперь не лишился своего значения. Ведь

На место цепей крепостных
Люди придумали много иных.

И нельзя ли задаться тем же вопросом при освобождении крестьянина от этих и ных цепей, от цепей экономических и иных бедствий? Самое нехитрое умозаключение доказывает, что этот старинный спор ни на иоту не потерял своего значения и в наше время. И он ведется, как в литературе, так и в частных кружках, — он только принял иные формы, сообразно с изменениями обстоятельств, в какие поставлен мужик. Одни говорят, что в характере нашего народа есть много прекрасных много обещающих черт, что без всяких указаний науки он выработал такое отношение, положим, к земле, главному орудию производства в России, какое только теперь начинает «сниться нашим философам», что он отстаивал излюбленную им форму землевладения чуть не целое тысячелетие и, слабый и уступчивый во многом, в вопросе о типе своего экономического устройства проявлял удивительную стойкость и упорство. Когда приходилось невтерпеж, он «ударялся в беги», скрывался «за рубежом», населял пустынные окраины, но и там он

Знал одной лишь думы власть.

Эта дума была — о его праве на землю, «куда топор, коса и соха ходит», о праве свободного, общинно-автономного устройства.

Так было в истории.

Современные явления, вроде штунды, которая возникла положительно у нас на глазах; вроде указанных у г. Ефименко слухов о «черном переделе»; вроде возникающих время от времени слухов о переходе крестьян в казаки; вроде съемки земли целыми кре-

стьянскими обществами на началах круговой поруки, которая при таком ее применении есть только самый справедливый вид взаимного страхования, все эти явления доказывают, что мачеха-история не вытравила у русского народа начал общественности и что до сих пор наш крестьянин «один в поле не воин», что и до сих пор его «жуть съедает», когда ему приходится действовать в одиночку. Эти качества характера гарантируют народу светлое будущее, только не искажайте этого характера, только устраняйте тормазы, стоящие на пути народа к этому будущему. Вот что говорит одна сторона, и, как мы уже сказали, к ней принадлежит некоторая часть сотрудников «Слова» и «Отечественных Записок», насколько можно понять это из их произведений.

Нет, возражает им другая часть сотрудников тех же органов и многие голоса из публики, наш народ, как малолетнего ребенка, нельзя оставить без помочей, в его характере много задатков, которые обуславливают собою существование современных экономических зол; мало освободить его от этих последних, нужно прежде просветить его, чтобы этим застраховать от их возвращения; нужно пустить в ход хорошую педагогическую систему для переработки народного характера, потому что, как говорит г. Иванов, «западно-европейских язв у русского так же много (или почти так же), как и в его подлиннике; до сих пор мы думали, что западно-европейский человек служил подлинником только высшим классам общества, да и то не во всех отношениях, по г-ну же Иванову — и мужик наш заражен «европеизмом» (да вдобавок и не европейские черты русского человека оказались с «язвами» («Отечественные Записки», ноябрь, стр. 245).

Читатель видит теперь, на что сводится спор; он понимает также, что ни о какой «наживе капиталов», ни о каких «окладах» нет речи ни у одной из спорящих сторон, так что если г. Иванов и сделал такой неожиданный вывод из возражений своих противников, то единственное объяснение этому мы видим в том, что почтенный беллетрист «погорячился», вышел, как говорят герои г. Островского, из терпимости и... сделал «неправдышный» вывод.

Вообще «неправдышных», лишенных всякой логики выводов не мало у г. Иванова. Так, наприм., на стр. 246 он говорит следующее: «Появилось какое-то слащавое, чтобы не сказать, слюнявое отношение к народу. В то время, когда интеллигенция, ее скорби, ее недуги и язвы разрабатывались довольно подробно и дельно, всякое деловое отношение к народу считалось неуместным»... «Позвольте, г. Иванов, кто и когда говорил против делового отношения к народу? Высказывались известные мнения, оспаривались скороспелые выводы на тему «ты мужик, так ты нечист»; но считать всякого имеющего хорошее мнение о характере и тенденциях народа, лишенным «делового отношения» к нему,

не значит ли это уподобляться лабазнику, который, нанявши для своего сына учителя, никак не может понять, что с его «мальчиком можно обойтись «без бою», и кроткое отношение к ребенку считает отсутствием «делового отношения» к педагогике? Право, здесь такая же логика: ругаете вы мужика — прекрасно; в вас нет «идеализации»; вы любите свой народ и основательно изучаете его «недуги». Но едва вы начинаете доказывать, что без высокого уровня социальных чувств народу нельзя было бы выработать таких справедливых земельных отношений, того обычного права, в основе которого лежит трудовое начало и по которому судятся и рядятся наши крестьяне, — были бы немислимы такие явления русской жизни, как раскол; едва осмелились сделать такое возражение, — вас исключают из числа «критически мыслящих» людей, вас обвиняют в поклонении «старому сапогу». В такой полемике есть все, что угодно, но нет «делового отношения» к возражениям противной стороны.

Кстати о старом сапоге. Нам помнится, что г. Гл. Успенский смотрел на это дело несколько иначе. Припомните его «Записки лентяя»; там деревенский дьячок рассказывает отставному солдату о том, как у них в селе поселился бегун. В непродолжительное время этот бегун расшевелил крестьянскую мысль, заставил ее мучиться над решением самых запутанных общественных отношений. Дьячка стали осаждать просьбами «сделать спор»; в споре все толковали о душе, о земле, о выкупных платежах. Как ни сбивчивы были аргументы, на которых строили крестьяне свои выводы, но факт тот, что темному старику-раскольнику удалось расшевелить народную мысль, — дело, до сих пор не всегда удающееся интеллигенции. Как вы думаете, читатель, неужели на такие услуги способен «старый сапог»? Нам кажется, что для этого требуются скорее сказочные семиверстные сапоги-скороходы. Или не полагает ли г. Иванов, вместе с сельским дьячком, что бегуны «самая злющая ересь это». Если так, тогда и разговор с ним будет другой (вряд ли кому придет в голову оспаривать мнение сельского дьячка), но едва ли г. Иванов не откажется от подобных единомышленников. А если откажется, то останется в противоречии с самим собою¹⁾, и пока он не разъяснит этого противоречия, за ним будет числиться некоторая недоимка на счетах логики.

«Стали восхваляться, — говорит он далее (стр. 250), — разные качества этого народа, независимо от условий, в которых им приходится развиваться». . . Это опять не верно. Если кто и делал подобные ошибки, то упрекать в этом в с е х своих противников

¹⁾ Мы считаем возможным говорить о г. Иванове и Гл. Успенском, как об одном лице, так как сам Гл. Успенский раскрыл свой псевдоним в новом издании его очерков.

г. Иванов не имеет права. Независимо от условий никто не рассматривал народных качеств — напротив, считая экономические отношения данного общества самым лучшим реагентом для узнавания степени развития социальных чувств в этом обществе и видя, что общинное владение считается крестьянами за идеал¹⁾, заключали из этого, что альтруистических чувств, привычки к ответственности и «социализации труда», которыми только и держится всякое общество, русскому народу не занимать стать у его западно-европейских соседей, у которых испарилось всякое воспоминание об общине.

— Можете ли вы, г. Иванов, упрекнуть своих противников в том, что они обращали мало внимания на общинное владение, что они рассматривали народный характер независимо от существования общины? А ведь она есть также одно из условий, определяющих народный характер и воздействующих на него. Можно было говорить, что влияние этого условия преувеличено, но сказать, что народные качества рассматривались совершенно «независимо от условий и т. д.», мог только очень зарпортованный человек. Вам, г. Иванов, кажется, что разлагающему влиянию кулачества и плохого экономического положения (которое надо строго отличать от экономического строения) «в деревне нет даже тени чего-нибудь равносильного в смысле отпора», а ваши противники думают, что этот отпор дается общинным владением землею, и насколько удачен этот отпор — вы сможете видеть из факта, знакомого всякому, знающему житье-бытье нашего городского рабочего. Дело в следующем. Известно, что промышленные рабочие в Петербурге, как и везде, разделяются на заводских и фабричных. Последние всегда живут артелями, между тем как первые селятся в одиночку. И как бы вы ни доказывали заводскому рабочему экономических преимуществ артельной жизни, он, может быть, и согласится с вами, но все-таки ответит вам роковым «с нашим народом не уживешься». А между тем фабричные, гораздо ниже заводских стоящие в умственном отношении, уживаются с своим народом. Какая же разница между этими «народами»?

Разница та, что заводские рабочие преимущественно горожане, с малолетства воспитанные в привычках городского индивидуализма, а фабричные — крестьяне-общинники малоземельных центральных губерний. В общине заключается разгадка этой непонятной на первый взгляд разницы между двумя классами промышленных рабочих.

¹⁾ Мы говорим, главным образом, о великорусских крестьянах, хотя многие факты указывают, что этого идеала не чужды и малороссы.

Вообще нужно сознаться, что «деревенский дневник» г. Иванова-Успенского производит очень тяжелое впечатление. К счастью, за утешением ходить не далеко. Во-первых, нам известно, что г. Иванов только недавно перешел к изучению жизни крестьянской; до сих пор он изучал — и действительно изучил прекрасно — быт городских мещан и вообще городского пролетариата. Мы уже говорили, что этот последний отличается большим индивидуализмом, а г. Иванов не видит этой разницы и переносит на крестьянскую среду взгляды, которые были совершенно верны и никем не оспаривались по отношению к городу, но вызывают сильные нападки, когда он вздумал применить их к новому объекту его наблюдений — деревне. Второе утешение заключается в помещенных в той же книжке «Отечественных Записок», где напечатана последняя глава «дневника», статьях г.г. Златовратского и Трирогова («Деревенский Авраам» и «Наши общины»).

Мы уже говорили, что выводы этих авторов противоречат выводам г. Иванова; теперь постараемся указать эти противоречия.

«Значительное большинство крестьянского населения, — говорит г. Иванов (стр. 254) — все более и более теряет между собою мирскую связь, так как все более и более чувствует трудность своего личного положения». «А у нас на разуме совсем другое, — возражает крестьянин Доронин¹⁾, — мы думаем, как бы три общества в одно присогласить, побольше бы приволья, да поменьше бы на брата пришлось деньжонок пастухам платить»²⁾.

«Дележ 200 р., — продолжает нить далее г. Иванов, — взятых с кабатчика, показывает, до какой степени вымерла мысль о дружном общественном хозяйстве... у всякого много своих забот, всякому нужны свои два рубля, тогда как те же 200 рублей дали бы миру около 200 же десятин земли и 10 дес. дровяного лесу... каждый видит, что надежда только на себя, и сообразно с этим живет изо дня в день» (стр. 254).

Теперь слушайте, что говорят по этому поводу сами крестьяне:

— Как же вы с быком справляетесь? — спрашивает г. Трирогов крестьян.

— Купили миром, по восьми гривен с души сошло, — отвечают крестьяне.

«Деревня Кривопавловка, — рассказывает г. Трирогов, — привлекла внимание особенностью своего наружного вида. Оказалось, что, по словам старосты... отличительные ее общинные черты состояли лишь в том, что она снимает в аренду землю у землевла-

¹⁾ «Отеч. Зап.», ноябрь, «Наши общины», стр. 135.

²⁾ Интересно бы знать, что же такое «на разуме» у крестьян, по мнению редакции «Отеч. Зап.», которая поместила в одной книжке две статьи с диаметрально-противоположными выводами.

дельца и эту-то съемную землю делит между своими сочленами по их экономической силе, а их душевой надел обра- тила в залежи под пастьбу скота» (стр. 139).

В статье г. Варзера ¹⁾ г. Иванов также найдет много примеров «дружного общественного хозяйства», и это относится даже не к великоруссам, а к малороссиянам, у которых общинное владение землею развито гораздо менее, чем в местностях великорусских.

— А не было ли такого примера, — продолжает «пытать» кре- стьян г. Трирогов, — чтобы мир понажал кого-нибудь, — мало ли какие люди бывают?

— Мир всякого жалеет (стр. 140).

Чем, кроме субъективных различий, можно объяснить такую разницу впечатлений, вынесенных двумя наблюдателями из одной и той же местности — Поволжья?

Еще два слова г. Иванову. Он сокрушается о том, что право на земельный надел имеют только взрослые крестьяне и не имеют его старухи и подростки, вроде Федюшки-конокрада. Но не от крестьян идет то, что земельный надел связан с налогами, платить которые наверно «не изнемогли бы» старухи и подростки, хотя за последними по смерти отца и остается иногда земельный надел, если только есть какой-нибудь намек на их экономическую право- способность.

Быть может, г. Иванову хотелось, чтобы мир взял на себя эти налоги. Но, как бы строго ни был проведен трудовой прин- цип в земельные отношения крестьян, право на обеспечение лиц, неспособных к труду, из этого принципа вывести нельзя. Тут уже выступает на сцену другой, гораздо более нравственный, но и гораздо труднее достижимый принцип «каждому по потребно- стям». Никто и не говорил, что этим последним принципом руко- водятся наши крестьяне в своих взаимных отношениях, хотя там, где великорусс поставлен в более благоприятные экономические условия, он не отказывается и от него. В статье г. Флеровского «Организация труда на Урале», помещенной в «Знании», если не ошибаемся, за 1871 г., рассказывается об обычае уральских каза- ков производить лов рыбы в реке Урале сообща («дружное обще- ственное хозяйство») и затем делить улов на части, по числу уча- ствующих, но при этом всегда отделяется некоторая часть тем, которые, по независящим от них обстоятельствам, не могли уча- ствовать в ловле своими трудами, старикам, больным и т. д.; здесь уже виден зародыш принципа «каждому по потребностям».

¹⁾ «Еврей-арендаторы» в Черниговской губ., «Отеч. Зап.», октябрь.